коп.

13

И. СТАЛИН

# О ПРАВЫХ ФРАКЦИОНЕРАХ В АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАРТИИ

1 9 3 0
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. СТАЛИН

# О ПРАВЫХ ФРАКЦИОНЕРАХ В АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАРТИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ПЕЧАТАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Типография издательства
„ДЕР ЭМЕС"
Москва, Покровка, 9.
Тираж—100000 экз.
Гиз А-01 № 38020.
Главлит № А-58671

## 1. РЕЧЬ В АМЕРИКАНСКОЙ КОМИССИИ ПРЕЗИДИУМА ИККИ

*(6 мая 1929 г.)*

Товарищи, так как здесь речей сказано немало и политическая позиция обеих групп компартии Соединенных штатов Америки выяснена в достаточной мере, то я не буду долго распространяться. Я не буду касаться политической позиции руководителей большинства и меньшинства. Не буду касаться, так как обе группы, как это выяснено здесь в ходе прений, допускают основную ошибку насчет преувеличения специфических черт американского капитализма. Вы знаете, что это преувеличение является базой всех и всяких оппортунистических ошибок как группы большинства, так и группы меньшинства. Было бы неправильно не учитывать специфических особенностей американского капитализма. Компартия должна их учитывать в своей работе. Но было бы еще более неправильно базировать деятельность компартии на этих специфических чертах, ибо основой деятель-

ности всякой компартии, в том числе и американской, на которой она должна базироваться, являются общие черты капитализма, одинаковые в основном для всех стран, а не специфические его черты в данной стране. На этом и зиждется интернационализм компартий. Специфические черты являются лишь дополнением к общим чертам. Ошибка обеих групп состоит в том, что они преувеличивают значение специфических черт американского капитализма и забывают тем самым об основных чертах американского капитализма, присущих всему мировому капитализму. Вот почему, когда руководители большинства и меньшинства обвиняют друг друга в наличии элементов правого уклона, то в этом, несомненно, имеется доля правды. Нельзя отрицать, что американская действительность представляет благоприятную среду для того, чтобы компартия могла впасть в заблуждение и преувеличить силу и прочность американского капитализма. Она, эта обстановка, и толкает наших товарищей из Америки как из большинства, так и из меньшинства на ошибки типа правого уклона. Эта обстановка и является источником того, что то одна, то другая часть компартии Америки не замечает в той или иной мере реформизма в Америке, недооценивает полевение рабочего класса и вообще склонна рассматривать американский капитализм как нечто, стоящее вне и над мировым капитализмом. В этом основа принципиальной невыдержанности как одной, так и другой части американской компартии.



После этих общих замечаний перейдем к практически-политическим вопросам.

В чем состоят основные недостатки в практике руководителей большинства и меньшинства?

В том, во-первых, что они, и прежде всего руководители большинства, в своей повседневной работе руководствуются соображениями беспринципной фракционности и интересы своей фракции ставят выше интересов партии.

В том, во-вторых, что обе группы, особенно же группа большинства, до того заражены фракционной болезнью, что в основу своих отношений к Коминтерну ставят не принцип доверия, а политику гнилой дипломатии, политику дипломатической игры.

Возьмем несколько примеров. Я беру такой простой факт, как спекуляция на разногласиях в ВКП, практикуемая как руководителями большинства, так и руководителями меньшинства. Вы знаете, что как одна, так и другая часть компартии Америки вперебежку друг с другом, перегоняя друг друга, как на скачках, усиленно стараются спекулировать существующими и несуществующими разногласиями в ВКП. Для чего они

это делают? Может быть этого требуют интересы партии в Америке? Нет. Конечно нет! Они делают это для того, чтобы доставить выгоду своей фракции и нанести вред другой фракции. Фостер и Биттельман не видят ничего предосудительного в том, чтобы об'явить себя «сталинцами», демонстрируя этим свою верность ВКП. Но это же прямое неприличие, дорогие товарищи! Разве вам не известно, что нет и не должно быть никаких «сталинцев»? Для чего допускается это неприличие со стороны меньшинства? Для того, чтобы ущемить группу большинства, группу т. Ловстона, для того, чтобы показать, что группа Ловстона против ВКП и стало быть, против основного ядра Коминтерна. Это конечно неверно и несерьезно. Но меньшинству нет дела до этого, — главная цель его состоит в том, чтобы ущемить, дискредитировать большинство в интересах фракции меньшинства.

А как поступает в связи с этим группа Ловстона? Может быть, она ведет себя приличнее, чем группа меньшинства? К сожалению, нет. К сожалению, она ведет себя еще более неприлично, чем группа меньшинства. Судите сами. Группа Фостера демонстрирует свою близость к ВКП, об'являя себя «сталинцами». Ловстон видит, что от этого кое-что теряет его собственная фракция. Поэтому, чтобы не остаться в долгу, она, группа Ловстона,



делает вдруг «головокружительный» скачок и проводит на с'езде американской компартии решение о снятии т. Бухарина с Коминтерна. Получается игра вперегонки по принципу: кто кого перещеголяет. Вместо принципиальной борьбы получается, таким образом, беспринципнейшая спекуляция на разногласиях в ВКП.

Вот вам результаты политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии.

Другой пример. Я имею в виду дело т. Пеппера. С историей этого дела вы все более или менее знакомы. Коминтерн требовал дважды отзыва т. Пеппера в Москву. ЦК американской компартии сопротивлялся и по сути дела нарушил ряд постановлений ИККИ насчет Пеппера. Большинство американской компартии тем самым демонстрировало свою близость к Пепперу, оппортунистические колебания которого известны всем. Наконец приезжает делегация ИККИ на с'езд компартии Америки, требуя вновь от имени ИККИ немедленного отзыва т. Пеппера. Большинство во главе с Ловстоном и Гитлоу вновь сопротивляется, не считая нужным провести в жизнь решение ИККИ. Группа Фостера использует это дело против группы Ловстона, утверждая, что большинство американской компартии идет против Коминтерна. Группа Ловстона смекает наконец, что она может проиграть на этом с точки зрения интере-

сов своей фракции, если она окажется в оппозиции к Коминтерну, поэтому группа Ловстона делает еще один «головокружительный» скачок и исключает из партии т. Пеппера, того самого Пеппера, которого вчера еще отстаивала она против КИ. Опять борьба наперегонки, — кто кого переплюнет. Чем об'ясняется, что большинство сопротивлялось и не проводило решения Коминтерна насчет Пеппера? Конечно не интересами партии. Об'ясняется это исключительно интересами фракции большинства. Чем об'ясняется, что большинство вдруг перевернулось и неожиданно исключило из партии Пеппера? Может быть интересами партии? Конечно, нет. Об'ясняется это лишь интересами фракции Ловстона, не желавшей дать лишний козырь своему противнику в лице фракционной группы Фостера и Биттельмана. Интересы фракции превыше всего!

Группа Фостера желает демонстрировать свою верность ВКП и об'являет себя «сталинцами»? Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше группы Фостера и потребуем снятия т. Бухарина с Коминтерна. Пусть попробуют догнать нас фостеровцы! Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже!

Группа Фостера желает демонстрировать свою близость к Коминтерну и добивается исполнения решения Коминтерна насчет отзыва Пеппера?



Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше и исключим т. Пеппера из партии. Пусть-ка попробуют догнать нас фостеровцы. Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже.

Вот вам плоды фракционности большинства и меньшинства.

Но, товарищи, Коминтерн ведь не биржа. Коминтерн есть святая святых рабочего класса. Нельзя поэтому смешивать Коминтерн с биржей. Либо мы — ленинцы и наши отношения друг к другу, так же, как и отношения секций к Коминтерну и обратно, должны строиться на взаимном доверии, должны быть чисты и прозрачны, как кристалл, — и тогда не должно быть места в наших рядах гнилой дипломатической игре. Либо мы— не ленинцы, — и тогда гнилая дипломатия и беспринципная фракционная борьба получают в наших отношениях полный простор. Одно из двух. Тут надо выбирать, товарищи.

Для характеристики того, как чистые коммунистические нравы извращаются и покрываются грязью в ходе фракционной борьбы, можно было бы еще сослаться на такой факт, как, скажем, моя беседа с тт. Фостером и Ловстоном. Я говорю о беседе, имевшей место во время VI конгресса. Характерно, что в переписке со своими друзьями т. Фостер изображает эту беседу как нечто та-

инственное, о чем не следует говорить вслух. Характерно также, что т. Ловстон, пред'являя обвинительный акт т. Фостеру, в связи с этой беседой, ссылается на свою беседу со мной и хвастает здесь, что он, т. Ловстон, не в пример Фостеру умеет держать тайну и ни в коем случае не согласен разглашать содержание его беседы со мной. Откуда эта мистика и для чего она нужна, дорогие товарищи? Что же таинственного могло быть в моей беседе с тт. Фостером и Ловстоном? Слушая этих товарищей, можно подумать, что я говорил с ними о вещах, о которых здесь стыдно рассказывать. Но это же нелепо, товарищи. И для чего эта игра в мистику? Разве трудно понять, что мне нечего скрывать от товарищей? Разве трудно понять, что я всегда готов в любой момент рассказать товарищам с начала и до конца о содержании моей беседы с Фостером и Ловстоном? Что станется тогда с пресловутой мистикой, усердно распространяемой здесь Фостером и Ловстоном?

О чем говорил со мной т. Фостер? Он жаловался на фракционность и беспринципность группы т. Ловстона. Что я ему ответил? Я признал наличие этих грехов за группой т. Ловстона, но там же добавил, что эти же грехи присущи и группе т. Фостера. Тов. Фостер делает на этом основании странный вывод о том, что я сочувствую



группе меньшинства. Спрашивается — на каком основании? Где те основания, в силу которых Фостеру угодно думать, что я не вижу недостатков группы меньшинства и даже сочувствую этой группе? Разве не ясно, что *желаемое* представляется т. Фостеру как *действительное*?

О чем говорил со мной т. Ловстон? О негодности группы т. Фостера и Биттельмана. Что же я ему ответил на это? Я ему ответил, что обе группы страдают существенными недостатками и посоветовал ему принять меры к ликвидации фракционности. Вот и все.

Что же тут таинственного, о чем будто бы не следует говорить вслух? Не странно ли, что из этих простых и ясных фактов товарищи из группы большинства и меньшинства делают тайну, могущую вызвать лишь смех у серьезных людей? Не ясно ли, что этой мистификации не было бы здесь, если бы мы не имели фракционной атмосферы, отравляющей жизнь компартии Америки и грязнящей простые и чистые коммунистические нравы?

Или например взять другой факт. Я говорю о беседе с т. Ловстоном, имевшей место *на днях*. Характерно, что т. Ловстон и об этой моей беседе с ним распространяет нелепые слухи, делая из нее тайну. Какое-то непонятное для меня пристрастие к «таинственному»... О чем он гово-

рил на-днях со мной? О том, чтобы президиум ИККИ отменил решение об его отзыве из Америки. О том, что он, Ловстон, берется проводить в жизнь предполагаемое решение президиума ИККИ, если оно не будет заострено против руководителей большинства компартии Америки. О том, что он обещается быть верным солдатом Коминтерна и показать это на деле, если Коминтерн даст ему соответствующее поручение. О том, что он не добивается никаких высоких постов в американской компартии, что он просит только о том, чтобы его испытали и дали ему, т. Ловстону, показать свою верность Коминтерну. Что же я ему ответил на это?Я ответил, что опыты с проверкой верности т. Ловстона Коминтерну проделываются вот уже три года, но из этого ничего хорошего не получилось. Я ответил, что выгоднее будет, и для компартии Америки, и для Коминтерна, оставить на время тт. Ловстона и Биттельмана в Москве. Я ответил, что такой способ действий со стороны Коминтерна является одним из вернейших средств излечить компартию Америки от фракционности и спасти ее от разложения. Я ответил, что, несмотря на такое мое мнение, я согласен передать предложение т. Ловстона на рассмотрение русских товарищей и обязуюсь сообщить ему мнение русских товарищей.

Кажется, ясно. А между тем т. Ловстон вновь



пытается сделать из этих ясных вещей тайну, распространяя всякие нелепые слухи о беседе с ним.

Ясно, что этой мистификации не было бы, и простые вещи не превращались бы в таинственные легенды, если бы не было политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии, интересы дипломатической игры выше интересов Коминтерна.

Чтобы ликвидировать все эти безобразия и поставить американскую компартию на рельсы ленинской политики, надо прежде всего покончить с фракционностью в этой партии.

Вот к какому выводу приводят изложенные выше факты.

Где выход?

Тов. Фостер наметил один из выходов. Из его предложения выходит, что нужно передать руководство меньшинству. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя принять. Делегация ИККИ допустила ошибку, когда она, резко отмежевавшись от большинства, не отмежевалась вместе с тем столь же резко и от меньшинства. Было бы печально, если бы комиссия президиума повторила эту ошибку делегации ИККИ. Я думаю, что комиссия президиума ИККИ должна отмежеваться в своем проекте как от ошибок большинства, так и от ошибок меньшинства. И именно потому, что она должна отмежеваться и от тех и от других.

она не может предлагать передачу руководства меньшинству. Следовательно предложение т. Фостера со всеми вытекающими из него последствиями отпадает само собой.

Американская делегация предложила другой выход, прямо противоположный предложению т Фостера. Предложение американской делегации, как известно, состоит из десяти пунктов. Содержание этого предложения сводится к тому, чтобы полностью реабилитировать руководителей большинства, признать фракционную работу большинства правильной, отменить постановление президиума ИККИ об отзыве т. Ловстона и подтвердить таким образом практику удушения меньшинства. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя. Нельзя, так как такой выход означал бы не ликвидацию фракционности, а возведение ее в принцип.

Где же выход?

Выход в следующем:

1) нужно одобрить в основном деятельность и предложения делегации ИККИ, исключив из этих предложений те пункты, которые приближаются к предложениям т. Фостера;

2) надо послать от имени ИККИ открытое письмо к членам американской компартии с изложением ошибок обеих частей партии и с заострением вопроса на том, чтобы ликвидировать корни всякой фракционности;

3) нужно осудить деятельность руководителей большинства на с'езде компартии Америки и в частности по вопросу о Пеппере;

4) нужно ликвидировать нынешнее положение компартии Америки, когда вопросы положительной работы, вопросы борьбы рабочего класса с классом капиталистов, вопросы о зарплате, о рабочем дне, о работе в профсоюзах, о борьбе с реформизмом, о борьбе с правым уклоном, — когда все эти вопросы остаются в тени и подменяются ничтожными вопросами фракционной борьбы между группой Ловстона и группой Фостера;

5) нужно обновить секретариат ЦК американской компартии и включить туда таких работников, которые способны кроме борьбы фракционной признавать еще борьбу класса рабочих с классом капиталистов, которые способны интересы партии и ее единства ставить выше интересов отдельных групп и их лидеров;

6) нужно отозвать тт. Ловстона и Биттельмана в распоряжение Коминтерна для того, чтобы работники компартии Америки поняли наконец, что Коминтерн берется вести борьбу против фракционности со всей серьезностью.

Таков, по-моему, выход.

Два слова о задачах и миссии американской

компартии. Я думаю, товарищи, что американская компартия является одной из тех немногих компартий в мире, на которую возложила история решающего характера задачи с точки зрения мирового революционного движения. Сила и мощь американского капитализма вам хорошо известны. Многим кажется теперь, что общий кризис мирового капитализма не коснется Америки. Это конечно неверно. Совершенно неверно, товарищи. Кризис мирового капитализма развивается усиленным темпом, и он не может не коснуться американского капитализма. 3 миллиона безработных, имеющихся теперь в Америке, — это первая ласточка, говорящая о том, что кризис назревает и в Америке. Обострение антагонизма между Америкой и Англией, борьба за рынки и сырье, наконец колоссальный рост вооружений, — вот вам второй признак, говорящий о надвигающемся кризисе. Я думаю, что не далек тот момент, когда революционный кризис развернется в Америке. И когда революционный кризис развернется в Америке, это будет началом конца всего мирового капитализма. Необходимо, чтобы американская компартия была способна во всеоружии встретить этот исторический момент и возглавить грядущие классовые бои в Америке. К этому надо готовиться, товарищи, всеми силами, всеми средствами. Для этого надо улучшать и большевизировать



американскую компартию. Для этого надо работать над ликвидацией всякой фракционности и всяких уклонов в этой партии. Для этого надо работать над воссозданием единства компартии Америки. Для этого надо работать над выковкой действительно революционных кадров и действительно революционных руководителей пролетариата, способных вести многомиллионный американский рабочий класс к классовым революционным боям. Для этого надо отбросить все и всякие личные моменты и фракционные соображения, поставив во главу угла революционное воспитание рабочего класса Америки.

Вот почему я думаю, что нужно отнестись, товарищи, со всей серьезностью к тем предложениям комиссии президиума ИККИ, которые вносятся сюда на ваше усмотрение, ибо они, эти предложения, направлены на то, чтобы оздоровить компартию Америки, уничтожить там фракционность, создать единство, укрепить партию и обольшевизировать ее.

## 2. ПЕРВАЯ РЕЧЬ В ПРЕЗИДИУМЕ ИККИ ПО АМЕРИКАНСКОМУ ВОПРОСУ

*(14 мая 1929 г.)*

Товарищи, мы стоим сейчас перед исключительным фактом, на который следовало бы обратить серьезнейшее внимание. Вот уже месяц, как американская делегация приехала в Москву. Проходит месяц, как мы занимаемся с нею, обсуждаем наболевшие вопросы американской компартии и намечаем пути выхода из создавшегося положения. Каждый член делегации имел возможность использовать свое право высказаться и критиковать несогласных с ним товарищей. Вы знаете, что это их право было ими использовано здесь полностью, без каких бы то ни было препятствий со стороны ИККИ. Вы знаете, что т. Ловстон требовал, чтобы обязательно высказались русские товарищи. Вы знаете, что русские товарищи уже высказались по существу вопроса. Стало быть, комиссия выполнила все условия, необходимые для того, чтобы найти выход и довести дело до конца.



И что же? Вместо вдумчивого отношения к делу и готовности ликвидировать наконец фракционность, мы имеем новый взрыв фракционности среди членов американской делегации, новые попытки сорвать дело единства американской компартии. Несколько дней назад у нас не было еще проекта решения Коминтерна по американскому вопросу. У нас была тогда лишь наметка общих основ решения вопроса, наметка, рассчитанная на ликвидацию фракционности. И вот, вместо того чтобы дождаться момента появления проекта решения, американская делегация без лишних слов разразилась декларацией от 9 мая, декларацией архифракционной, декларацией антипартийной. Вы знаете, до чего враждебно встретили эту декларацию члены комиссии президиума ИККИ. Вы знаете, что комиссия не оставила камня на камне от этой декларации. Можно было подумать, что американская делегация одумается и исправит свои ошибки. На деле однако получилось нечто прямо противоположное. Стоило появиться проекту предложения комиссии, розданному теперь всем членам президиума ИККИ и американской делегации, чтобы американская делегация разразилась новой декларацией от 14 мая, декларацией еще более фракционной и антипартийной, чем декларация от 9 мая. Она, эта декларация, вам известна конечно. Ее зачитал здесь в своей речи т. Гитлоу.

Основная черта этой декларации состоит в том, что она провозглашает тезис неподчинения решениям президиума ИККИ. Это значит, что крайняя фракционность руководителей большинства толкнула их на путь неподчинения, стало быть — на путь борьбы с Коминтерном.

Нельзя отрицать, что товарищи-американцы, как и все коммунисты, имеют полное право не соглашаться с проектом решения комиссии, имеют право бороться с ним. И пока они ограничиваются использованием этого своего права, в этом нет и не может быть ничего плохого. Но беда состоит в том, что декларация от 14 мая на этом не останавливается. Она идет дальше и считает, что борьба должна быть продолжена и после того, когда проект станет решением президиума ИККИ. Поэтому мы должны членам американской делегации поставить ребром вопрос: считают ли они для себя допустимым после того, как проект примет силу обязательного решения Коминтерна, не подчиняться этому решению? Мы вели прения в комиссии в продолжение целого месяца, мы имели ряд дискуссий, мы потратили на это дело уйму времени, причем время это могло быть потрачено на более полезные вещи, мы пришли наконец к тому, что период дискуссии исчерпан, и стоим накануне принятия решения, которое должно быть обязательным для всех членов Коминтерна. И вот



вопрос: считают ли члены американской делегации как коммунисты, как ленинцы допустимым неподчинение решению президиума ИККИ по американскому вопросу?

В этом теперь все дело, товарищи.

Позвольте теперь перейти к разбору самой декларации по существу.

Она, эта декларация от 14 мая, составлена довольно хитро. Я не сомневаюсь, что эту декларацию писал какой-нибудь хитроумный юрист, какой-нибудь адвокат-крючкотворец. Судите сами. С одной стороны, в декларации говорится о полной лойяльности в отношении Коминтерна, о нерушимой верности авторов декларации Коммунистическому Интернационалу не только в прошлом и не только в настоящем, но и в будущем. Это конечно хорошо, если это не есть пустое обещание. С другой стороны, в декларации говорится, что авторы ее не могут взять на себя ответственности за проведение в жизнь решения президиума Исполкома Коминтерна. Там прямо сказано:

> «Есть весьма веские причины, в силу которых мы не можем принять этот новый проект письма и взять на себя ответственность за выполнение этого письма перед членскими массами, одобрить тот неминуемый, непоправимый вред, который не сможет не принести нашей партии принятие этого нового проекта».

Не угодно ли: с одной стороны, — полная лойяльность, с другой стороны,—отказ проводить в жизнь решение Коминтерна. И все это называется верностью Коминтерну! Вот это действительно адвокатское крючкотворство! Разве можно представить, чтобы коммунист, не бумажный, а настоящий коммунист, говорил о лойяльности к Коминтерну и вместе с тем отказывался брать на себя ответственность за проведение в жизнь решений Коминтерна? Какая же это лойяльность, дорогие товарищи? Что же называется тогда нелойяльностью? Для чего понадобилась эта фальшь, это фарисейство? Не ясно ли, что громкие слова о лойяльности и верности Коминтерну понадобились т. Ловстону для того, чтобы обмануть «членские массы»?

Невольно вспоминаешь незабвенного Чемберлена, который, с одной стороны, стоит за мир, за сокращение вооружений, а с другой стороны, принимает все меры к тому, чтобы вооружения росли и подготовка войны шла полным ходом. Чемберлену нужна шумиха о мире для того, чтобы прикрыть ею подготовку к новой войне. Тов Ловстону нужны громкие фразы о лойяльности и верности Коминтерну для того, чтобы прикрыть ими подготовку борьбы против решений Коминтерна. Тов. Ловстон конечно не Чемберлен. Здесь нет и не может быть между ними никакой аналогии. Но тот факт, что его «маневры» напоминают «маневры» Чемберлена, это должно служить ему достаточным предостережением.



Но декларация на этом не останавливается. Она идет дальше и, переходя от обороны к нападению, провозглашает необходимость борьбы с решениями президиума Исполкома Коминтерна, как с решениями, идущими будто бы в разрез с линией VI конгресса КИ. Она прямо говорит, что проект решения, проект открытого письма Коминтерна, который встречает здесь, в президиуме, всеобщее одобрение и который по всем данным будет одобрен президиумом ИККИ, — она прямо говорит, что этот проект «противоречит букве и духу линии VI конгресса КИ». Декларация прямо говорит, что «проект дает работе нашей партии (т. е. компартии Америки) и ее руководству такую оценку, которая идет по важнейшим вопросам в разрез с линией и решениями VI всемирного конгресса».

Я не буду доказывать, что эти утверждения декларации являются мелкой и недостойной клеветой на Коминтерн и его исполнительные органы. Не стоит также доказывать, что не кто иной, как нынешние руководители большинства компартии Америки нарушали и нарушают основные постановления конгрессов Коминтерна и его исполнительных органов по вопросу о ликвидации фрак-

ционности в американской компартии. Тов. Куусинен вполне доказал в своей речи, что обе фракции американской компартии, особенно же фракция большинства, систематически нарушали основные решения конгрессов Коминтерна о ликвидации фракционности и восстановлении единства, начиная с 1925 г. Стоит познакомиться с резолюциями конгрессов Коминтерна, чтобы убедиться в том, что в лице руководителей нынешнего большинства мы имеем неисправимых нарушителей духа и буквы решений Коминтерна.

Что касается VI конгресса Коминтерна, то он прямо говорит в своем решении об американской компартии, что «важнейшая задача партии состоит в том, чтобы положить конец фракционной борьбе, которая не опирается на сколько бы то ни было серьезные принципиальные разногласия». Что сделано группой т. Ловстона для того, чтобы провести в жизнь это решение VI конгресса? Вы сами видите, товарищи, что ею ничего для этого не сделано пока что. Но зато ею сделано и делается все для того, чтобы превратить это решение VI конгресса в пустую бумажку.

Таковы факты.

И если, несмотря на все эти факты, декларация все же обвиняет президиум ИККИ в нарушении «духа и буквы линии VI конгресса», то что это значит? Это значит, что авторы декларации хотят



противопоставить решениям президиума ИККИ линию VI конгресса, которую сами же они нарушали и продолжают нарушать. А для чего они это делают? Для того, чтобы, фарисейски прикрывшись флагом VI конгресса, повести борьбу с решениями президиума ИККИ. Поступая так, авторы декларации как бы говорят: мы, группа Ловстона, за VI конгресс, но проект открытого письма президиума ИККИ противоречит линии VI конгресса, поэтому мы должны и будем бороться с решениями президиума ИККИ.

Авторы декларации думают, должно быть, что они этим фальшивым «маневром» делают что-то новое, и что мы не расшифруем внутреннего смысла их «маневров». Но это неверно, товарищи. Они ошибаются в своих расчетах. История Коминтерна говорит, что товарищи, отходившие от Коминтерна, начинали дело всегда с таких именно «маневров». Когда Зиновьев отходил от Коминтерна, он начинал свое дело с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома Коминтерна. И он это делал для того, чтобы прикрыть свою борьбу против Исполкома Коминтерна разговорами о линии Коминтерна. То же самое было с Троцким, который начинал свой отход от Коминтерна с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома и президиума Исполкома Коминтерна. Это есть старая проторенная дорога оппортунизма,

которая так же стара, как мир. Печально, что авторов декларации потянуло на эту именно дорогу.

Противопоставляя Коминтерн Исполкому Коминтерна, авторы декларации думают так же, как думали раньше Зиновьев и Троцкий, отделить Исполком Коминтерна от Коминтерна. Смешная и глупая надежда! Авторы декларации забывают очевидно, что истолкователем решений конгрессов Коминтерна является лишь Исполком и его президиум, а не они. Авторы декларации ошибаются, если они думают, что их комментариям американские рабочие поверят больше, чем комментариям президиума Исполкома Коминтерна.

Такова сущность декларации американской делегации.

Декларация американской делегации есть таким образом платформа борьбы с линией Коминтерна во имя оппортунистических шатаний, во имя беспринципной фракционности, во имя нарушения единства американской компартии.

Перейдем к проекту комиссии.

На чем строится проект комиссии, предлагаемый ныне вниманию президиума ИККИ? На идее отстаивания линии Коминтерна в рядах компартии Америки, на идее большевизации американской компартии, на идее борьбы с уклонами от марксистской линии, и прежде всего с правым уклоном, на идее ленинского единства партии, наконец, и прежде всего, на идее ликвидации всякой фракционности. Ибо надо наконец признать, товарищи, что фракционность есть основное зло американской компартии.

В истории революционного движения рабочего класса нам, большевикам, нередко приходилось вести фракционную борьбу против оппортунизма. Это было в то время, когда большевики и меньшевики находились в одной общей партии, когда большевики были обязаны организоваться во фракции для того, чтобы подорвать авторитет социал-демократов, организовать раскол против социал-демократии и создать свою собственную коммунистическую партию. Тогда фракционность была полезна и необходима. А теперь? Теперь — другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь мы имеем свои собственные монолитные коммунистические партии, секции Коммунистического Интернационала. Теперь фракционность опасна и вредна, ибо она ослабляет коммунизм, ослабляет силу натиска коммунизма против реформизма, подрывает борьбу коммунизма против социал-демократизма в рабочем движении. Этой коренной разницы между прошлым и настоящим не понимают очевидно наши американские товарищи.

В чем состоит вред фракционности в рядах компартий?

Прежде всего в том, что фракционность ослабляет чувство партийности, притупляет революционное чутье и ослепляет деятелей партии до того, что они вынуждены в своем фракционном увлечении ставить интересы фракции выше интересов партии, выше интересов Коминтерна, выше интересов рабочего класса. Она, фракционность, нередко доводит дело до того, что деятели партии, ослепленные фракционной борьбой, склонны расценивать все факты, все события в жизни партии не с точки зрения интересов партии и рабочего класса, а с точки зрения интересов своей фракционной колокольни, с точки зрения интересов своей фракционной кухни.

Разве т. Ловстон и его друзья не знали, что надо держаться в стороне от Пеппера, что надо отмежеваться от него для того, чтобы не компрометировать себя как революционеров? Почему же они от него не отмежевались в свое время, несмотря на ряд предупреждений со стороны Коминтерна? Потому, что они действовали прежде всего как фракционеры. Потому, что для фракционной борьбы дорога каждая щепка, каждая веревка, каждый, даже плохой, солдат, каждый, даже плохой, офицер. Потому, что для фракционной борьбы могут пригодиться даже такие люди, как Пеппер. Потому, что фракционное ослепление заставляло их ставить интересы своей фракции выше интересов партии.



Разве т. Фостер не знал, что надо держаться в стороне от скрытых троцкистов, имевшихся у него в группе? Почему же он не отмежевался от них своевременно, несмотря на ряд предупреждений? Потому, что он вел себя прежде всего как фракционер. Потому, что для фракционной борьбы против группы Ловстона ему могли пригодиться и скрытые троцкисты. Потому, что фракционное ослепление притупляет у людей чувство партийности и делает их неразборчивыми в средствах. Правда, такая политика вредна и несовместима с интересами партии. Но фракционеры склонны обычно забывать об интересах партии, — они видят лишь свою собственную фракционную колокольню.

Во-вторых, в том что фракционность мешает воспитывать партию в духе принципиальной политики, она мешает воспитывать кадры в духе честной, пролетарской, неподкупной революционности, свободной от гнилой дипломатии и беспринципного комбинаторства. Ленинизм говорит, что принципиальная политика есть единственно правильная политика. Фракционность, наоборот, думает, что фракционная дипломатия и беспринципное фракционное комбинаторство есть единственно правильная политика. Этим собственно и об'ясняется, что атмосфера фракционной борьбы культивирует не принципиальных политиков, а

ловких фракционных гешефтмахеров, опытных жуликов и меньшевиков, умеющих обжулить «противника» и прятать концы в воду. Правда, подобная «воспитательная» работа фракционеров противоречит коренным интересам партии и рабочего класса. Но фракционерам нет дела до этого, — они признают лишь свою фракционную дипломатическую кухню и ее кухонные интересы. Неудивительно поэтому, что принципиальные политики и честные пролетарские революционеры не встречают сочувствия у фракционеров. Зато у них в большом почете фракционные ловкачи и гешефтмахеры, беспринципные комбинаторы и закулисных дел мастера по организации беспринципных блоков.

В-третьих, в том, что фракционность, ослабляя волю партии к единству и подрывая железную дисциплину партии, создает в партии такой специфический фракционный режим, при котором вся внутренняя жизнь в партии оказывается деконспирированной перед лицом классовых врагов, а сама партия становится перед опасностью быть превращенной в игрушку в руках агентов буржуазии. Происходит это обычно таким образом. Скажем, решается какой-либо вопрос в Политбюро ЦК. В Политбюро имеются меньшинство и большинство, рассматривающие каждое решение со своей, фракционной, точки зрения. Если в партии



царит фракционный режим, то гешефтмахеры обеих фракций моментально оповещают свою периферию о таком-то решении Политбюро, пытаясь ее подготовить в свою пользу и накачать ее соответственным образом. Такой порядок оповещения повторяется обычно систематически. А повторяется он систематически потому, что каждая фракция считает своим долгом по-своему оповещать свою периферию и держать ее в мобилизационной готовности для драчки с фракционным противником. В результате важные секретные решения партии становятся достоянием улицы. А так как улица сливается с окружающей средой, то агенты буржуазии получают доступ к секретным решениям партии и облегчают себе возможность использовать данные о внутренней жизни партии против интересов партии. Правда, такой режим угрожает партии полной деморализацией ее рядов. Но фракционерам нет дела до этого, ибо они ставят превыше всего интересы своей группы.

Наконец, вред фракционности состоит в том, что она, фракционность, подрывает в корне всякую положительную работу в партии, отбивает у партийных работников охоту заниматься вопросами повседневных нужд рабочего класса (заработная плата, рабочий день, улучшение материального положения рабочего класса и т. д.), ослабляет работу партии по подготовке рабочего класса к

классовым битвам с буржуазией и создает таким образом такую обстановку, при которой авторитет партии должен неминуемо падать в глазах рабочих, а рабочие вместо того, чтобы вливаться в партию целыми отрядами, — вынуждены покидать ряды партии. Это именно и наблюдается теперь в американской компартии. Чем главным образом занимались последнее время фракционные руководители большинства и меньшинства? Фракционной склокой, всякими фракционным мелочами, составлением никчемных платформ и платформишек, составлением десятков и сотен поправок и поправочек к этим платформам. Недели и месяцы тратятся на то, чтобы поймать фракционного противника, изловить его, выкопать что-нибудь из личной жизни своего фракционного противника, а если нет возможности выкопать, — то сочинить какую-либо небылицу. Ясно, что в такой атмосфере положительная работа должна страдать, жизнь партии должна измельчать, авторитет партии должен падать, а рабочие, лучшие и революционно-настроенные рабочие, требующие дела, а не склоки, должны уходить от партии.

Вот в чем выражается в основном вред фракционности в рядах коммунистических партий.

Поэтому, важнейшая задача американской компартии состоит в том, чтобы ликвидировать фракционность и излечить себя, наконец, от этой болезни.



На этом именно и базируется предлагаемый вашему вниманию проект комиссии.

Несколько слов о хвастливой манере группы т. Ловстона говорить и выступать здесь от имени всей партии, от имени 99% компартии Америки. Они иначе не выступают, как от имени 99% партии. Можно подумать, что у них в кармане сидят эти 99%. Это плохая манера, товарищи из американской делегации. Напомню вам, что Зиновьев и Троцкий тоже козыряли одно время процентами, уверяя всех, что они добились или во всяком случае добьются 99% большинства в рядах ВКП. Вы знаете, товарищи, каким фарсом кончилось это хвастовство Троцкого и Зиновьева. Не советовал бы вам поэтому козырять процентами. Вы уверяете, что у вас имеется обеспеченное большинство в компартии Америки, что это большинство останется за вами при всяких условиях. Это неверно, товарищи из американской делегации, совершенно неверно. Вы имели большинство потому, что в вашем лице американская компартия видела до сих пор решительных сторонников Коммунистического Интернационала. И именно потому, что она видела в вашем лице друзей Коминтерна, вы имели большинство в рядах американской компартии. Но как будет обстоять дело, если американские рабочие узнают, что вы намерены ломать единство рядов Коминтерна и думаете вести борь-

бу против его исполнительных органов, — вот в чем вопрос, дорогие товарищи. Думаете ли вы, что американские рабочие пойдут за вами против Коминтерна, что они предпочтут интересы вашей фракционной группы интересам Коминтерна? История Коминтерна знает целый ряд случаев, когда популярнейшие руководители, более авторитетные, чем вы, оказывались изолированными, как только они поднимали знамя борьбы против Коминтерна. Думаете ли вы, что вам повезет больше, чем этим руководителям? Плохая надежда, товарищи! Сейчас у вас есть еще формальное большинство. Но завтра не будет никакого большинства и вы окажетесь полностью изолированными, если вы попытаетесь повести борьбу против решений президиума Исполкома Коминтерна. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

О т. Ловстоне говорят, как о талантливом руководителе, как о создателе компартии Америки. Говорят, что компартия Америки не может обойтись без т. Ловстона, что снятие т. Ловстона может загубить партию. Это неверно, товарищи. Более того, это не искренно. Плоха была бы партия, которая не могла бы обойтись без того или иного руководителя. Компартия Америки не так уж слаба, как думают некоторые товарищи. Во всяком случае она много сильнее, чем ее изображают.



Партия создается рабочим классом, а не отдельными руководителями. Смешно было бы утверждать обратное. К тому же т. Ловстон не такой уж большой руководитель. Он конечно способный и талантливый товарищ. Но на что ушли его способности? На фракционную склоку, на фракционные комбинации. Тов. Ловстон бесспорно ловкий и талантливый фракционный гешефтмахер. В этом ему нельзя отказать. Но нельзя смешивать фракционное руководство с партийным руководством. Руководитель партии — это одно. Руководитель фракции — это нечто совершенно другое. Не всякому руководителю фракции дано быть руководителем партии. Я очень сомневаюсь, чтобы т. Ловстон мог быть на данной стадии руководителем партии.

Так обстоит дело, товарищи.

А выход какой, спросите вы. Выход, по-моему, состоит в том, чтобы принять проект комиссии, отвергнуть декларацию американской делегации и обязать всех членов компартии Америки беспрекословно проводить решения президиума. Либо американские товарищи будут без колебаний подчиняться решениям ИККИ и будут их активно проводить, — и это будет серьезный шаг в сторону уничтожения фракционности, в сторону мира в партии. Либо они останутся при своей декларации и откажутся подчиняться решениям

ИККИ. Но это будет означать не мир, а войну против Коминтерна, войну в рядах американской компартии. Мы предлагаем мир и единство. Примут наши предложения товарищи из американской делегации, — хорошо, не примут, — тем хуже для них. Коминтерн возьмет свое при всяких условиях. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

Наконец два слова о новых процессах большевизации секций Коминтерна, происходящих в данный момент.

Тов. Ловстон на-днях в беседе со мной говорил, что у него сорвалась как-то фраза насчет «раковой опухоли» в аппарате Коминтерна. Он уверял, что эта фраза у него случайная, не имеющая никакой связи с вопросом об его отношениях к Коминтерну. Я ему ответил, что если фраза сорвалась у него действительно случайно, то не стоит на нее обращать внимания, хотя фраза сама по себе безусловно неправильна и ошибочна. Однако спустя некоторое время после этого я ознакомился с докладом т. Ловстона на VI с'езде американской компартии, где он говорит о той же «раковой опухоли», но уже не в отношении аппарата Коминтерна, а в отношении мирового капитализма. Видимо фраза о «раковой опухоли» не совсем случайна у т. Ловстона. «Раковая опухоль» в отношении мирового капитализма означает, надо



полагать, кризис мирового капитализма, процесс его разложения. А что должна означать в устах т. Ловстона «раковая опухоль» в аппарате Коминтерна? Видимо тот же кризис и разложение в аппарате Коминтерна. Что же еще иное может означать эта фраза? Что могло заставить т. Ловстона говорить о «раковой опухоли» или о кризисе в аппарате Коминтерна? Должно быть, то же самое, что заставляет правых уклонистов в рядах ВКП говорить о кризисе и разложении Коминтерна. Говоря о разложении Коминтерна, правые уклонисты обычно ссылаются на такие факты, как изгнание правых из германской компартии, разгром правых в чехо-словацкой компартии, изоляция правых во французской компартии, борьба за изоляцию неисправимых фракционеров в американской компартии и т. д. и т. п. Что же, может быть, эти факты в самом деле представляют признак серьезной болезни в Коминтерне, признак его разложения, признак «раковой опухоли» в Коминтерне? Конечно нет, товарищи. Так могут думать лишь партийные филистеры и обыватели. На самом деле это есть благодетельный процесс очищения секций Коминтерна от правых и примиренцев, благодетельный процесс очищения Коминтерна от оппортунистических и колеблющихся элементов. Партии большевизируются и укрепляются тем, что очищают себя от скверны. Вот в чем смысл

последних событий в германской, чехо-словацкой, американской, французской и других партиях. Партийным филистерам кажется все это признаком разложения Коминтерна, потому что они ничего дальше своего носа не видят. Революционные же марксисты знают, что это есть благодетельный процесс большевизации наших братских партий, что без этого благодетельного процесса невозможно подготовить партии и пролетариат к грядущим классовым битвам.

Многие думают, что в международной обстановке за последнее время ничего не изменилось, что все осталось по-старому. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем обострение классовой борьбы во всех капиталистических странах, рост революционного кризиса в Европе, нарастание условий нового революционного под'ема. Вчера об этом сигнализировала нам общая забастовка в Лодзи. Недавно мы имели еще сигнал в Берлине. Завтра пойдут новые сигналы во Франции, в Англии, в Чехо-Словакии, в Америке, в Индии, в Китае. Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма. Задача компартий состоит в том, чтобы начать теперь же и развить массовую подготовительную работу к грядущим классовым битвам, чтобы готовить рабочий класс и эксплоатируемые массы к новым революционным боям. Надо усилить борьбу с реформизмом, с социал-



демократизмом. Надо усилить борьбу за завоевание миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма. Надо усилить борьбу за выковку действительно революционных кадров партии и за отбор действительно революционных лидеров в партии, людей, способных итти в бой и вести за собой пролетариат, людей, которые не сдрейфят перед бурей и не будут метаться в панике, а пойдут навстречу буре. Но чтобы выполнить эти задачи, нужно теперь же, не теряя ни одной минуты, — ибо время не ждет, — заняться очищением компартий от правых и примиренческих элементов, представляющих об'ективно агентуру социал-демократии в рядах компартий. И заняться надо этим делом не в обычном темпе, а в темпе ускоренном, ибо, повторяю, время не ждет и мы не можем допустить, чтобы события застали нас врасплох. Можно было бы не спешить с этим делом года два назад, рассчитывая на то, что молекулярный процесс большевизации компартий постепенно откинет прочь правые и колеблющиеся элементы, всех этих Брандлеров и Тальгеймеров, всех и всяких фракционных гешефтмахеров и т. д. и т. п. Можно было бы не спешить, так как не было опасности опоздать. Но теперь — другое дело. Теперь медлить — значит опоздать, а опоздать значит быть застигнутым врасплох грядущим революционным кризисом. Поэтому происходящий

теперь процесс очищения компартий от неустойчивых элементов есть благодетельный процесс укрепления Коминтерна и его секций. Филистеры боятся этого благодетельного процесса и с перепугу болтают о разложении Коминтерна, потому что они есть филистеры. Революционеры, наоборот, всегда будут приветствовать этот благодетельный процесс, потому что он есть вместе с тем составная часть того великого дела подготовки рабочего класса к грядущим классовым битвам, которое составляет теперь основную задачу компартий всего мира.

Достоинство проекта комиссии состоит между прочим в том, что он облегчает компартии Америки выполнение этой основной задачи.



## 3. ВТОРАЯ РЕЧЬ В ПРЕЗИДИУМЕ ИККИ ПО АМЕРИКАНСКОМУ ВОПРОСУ

*(14 мая 1929 г.)*

Мне кажется, товарищи, что некоторые американские делегаты не уясняют себе того положения, которое создалось у нас теперь, после принятия президиумом проекта комиссии. Видимо товарищи не вполне отдают себе отчет в том, что отстаивать свои убеждения, пока еще не принято решение, — это одно, а подчиниться воле Коминтерна после того, как принято решение, — это другое. Можно и нужно было критиковать и бороться с проектом комиссии, поскольку члены делегации считают его неправильным. Но теперь, когда проект комиссии стал решением президиума, американские делегаты должны найти в себе мужество для того, чтобы подчиниться воле коллектива, воле Коминтерна и взять на себя ответственность за проведение решения Коминтерна.

Нужно уметь ценить ту стойкость и то упорство, которое проявляют здесь 8 товарищей из 10

американских делегатов в своей борьбе против проекта комиссии. Но нельзя одобрить того, что эти 8 товарищей отказываются подчинить свою волю воле высшего коллектива, воле президиума ИККИ, после того как их взгляды потерпели здесь полное поражение. Настоящее мужество состоит не в том, чтобы поставить свою индивидуальную волю выше воли коллектива, выше воли Коминтерна. Настоящее мужество состоит в том, чтобы найти в себе силы перебороть себя, преодолеть себя и подчинить свою волю воле коллектива, воле высшей партийной инстанции. Без этого нет коллектива. Без этого нет и не может быть никакого коллективного руководства.

Я думаю, что вы не будете отказывать русским большевикам в мужестве, в твердости, в умении отстаивать свои убеждения. Как поступала обычно та или иная группа русских большевиков, когда она оказывалась в меньшинстве? Не желая ломать железную дисциплину партии, меньшинство обычно подчинялось воле большинства. В истории нашей партии бывали десятки и сотни случаев, когда одна часть большевиков, будучи убеждена в том, что ЦК партии большевиков принял неправильное решение, — все же после дискуссии, после жарких споров, после отстаивания своих убеждений, об'являла о своей полной готовности подчиниться решениям высшего руководящего коллектива и проводить их в жизнь. Я мог бы сослаться хотя бы на такой факт, как случай в 1907 г., когда одна часть большевиков стояла за бойкот Думы, а большая часть большевиков за поворот в политике в пользу участия в думе, и когда меньшинство беспрекословно подчинилось воле большинства. Русские большевики погубили бы дело русской революции, если бы они не умели подчинять волю отдельных товарищей воле большинства, если бы они не умели действовать коллективно. Так воспитывались мы, русские большевики, те самые большевики, которые свергли буржуазию, установили советскую власть и теперь потрясают основы мирового империализма. Умение действовать коллективно, готовность подчинять волю отдельных товарищей воле коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством. Потому, что без такого мужества, без умения преодолеть, если хотите, свое самолюбие и подчинить свою волю воле коллектива, — без этих качеств — нет коллектива, нет коллективного руководства, нет коммунизма. И это верно не только в отношении отдельных партий и их центральных комитетов. Это особенно верно в отношении Коминтерна и его руководящих органов, об'единяющих все партии коммунистов во всем мире.

Товарищи Гитлоу и Ловстон с апломбом заявляли здесь, что их совесть, их убеждения не позво-

ляют им подчиняться решениям президиума и проводить их в жизнь. То же самое говорила здесь и т. Влор. У них выходило так, что если они не согласны с решением президиума, то они не могут подчиняться этому решению и проводить его в жизнь. Но так могут говорить лишь анархисты, индивидуалисты, а не большевики, а не ленинцы, которые обязаны ставить волю коллектива выше своей индивидуальной воли. Они говорят о своей совести и о своих убеждениях. Но члены президиума ИККИ тоже ведь имеют свою совесть, свои убеждения. Как быть, если совесть и убеждения президиума ИККИ сталкиваются с совестью и убеждениями отдельных членов американской делегации? Как быть, если американская делегация получила в президиуме за свою декларацию лишь один голос, голос т. Гитлоу, а остальные члены президиума единогласно высказались против декларации американской делегации и за проект комиссии? Думаете ли вы, товарищи из американской делегации, что совесть и убеждения т. Гитлоу стоят выше совести и убеждений подавляющего большинства президиума ИККИ? Начинаете ли вы понимать, что если каждый из нас начнет действовать по своей воле, не желая считаться с волей коллектива, то у нас никогда не будет никакого решения, никакой коллективной воли, никакого руководства?



Возьмем какую-либо фабрику или завод. Допустим, что большинство рабочих данной фабрики проявляет склонность бастовать, а меньшинство, ссылаясь на свои убеждения, высказывается против забастовки. Начинается борьба мнений, собираются митинги, в конце концов громадное большинство фабрики решает бастовать. Что бы вы сказали о тех 10 или 20 рабочих, представляющих меньшинство фабрики, которые заявили бы, что они не могут подчиниться решению большинства рабочих, так как они не согласны с этим решением? Как бы вы их назвали, дорогие товарищи? Вы знаете, что таких рабочих обычно именуют штрейкбрехерами. Не ясно ли, что забастовки, демонстрации и другие коллективные действия масс были бы совершенно невозможны, если бы меньшинство не подчинялось большинству? Не ясно ли, что мы не имели бы никогда никакого решения и никакой коллективной воли, ни в отдельных партиях, ни в Коминтерне, если бы отдельные лица и вообще меньшинство не подчинялось воле большинства, воле высшего коллектива? Вот как оборачивается дело, товарищи из американской делегации.

Наконец, два слова о судьбах американской компартии в связи с принятием решения президиума ИККИ. Товарищи из американской делегации представляют дело слишком трагически. Они

уверяют, что после принятия проекта комиссии американская компартия либо погибнет, либо, во всяком случае, окажется на краю пропасти. Это неверно, товарищи. Более того, это прямо смехотворно. Американская компартия живет и будет жить вопреки пророчествам товарищей из американской делгации. Более того, американская партия будет расти и процветать, если она изгонит из своей среды беспринципную фракционность. Значение принятого президиумом решения в том именно и состоит, что оно облегчает американской компартии ликвидировать беспринципную фракционность, установить единство в партии и выйти наконец на широкую дорогу массовой политической работы. Нет, товарищи, американская компартия не погибнет. Она будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса. Погибнет лишь одна маленькая фракционная группа, если она будет и впредь упорствовать, если она не будет подчиняться воле Коминтерна, если она будет и впредь настаивать на своих ошибках. Но судьбу одной маленькой фракционной группы ни в коем случае нельзя отождествлять с судьбой американской компартии. Из того, что одна маленькая фракционная группа может погибнуть политически, вовсе не следует, что должна погибнуть американская компартия. И если этой маленькой фракционной группе суждено погибнуть, пусть



гибнет на здоровье, — лишь бы здравствовала и развивалась американская компартия. Вы слишком пессимистически смотрите на дело, дорогие товарищи из американской делегации. Я смотрю на дело более оптимистически.

СОДЕРЖАНИЕ